

Ничто никогда не бывает простым.

— Лио?

Самый младший кузен Грифона стоял рядом с комнатой, где я спрятался, чтобы настроить свою лиру. Наполовину скрытый мраморной колонной, он с недоумением смотрел на мои разрушенные наручники. Я сблизился с Мироном Этосом, пока был рабом. Он был очень одарённым мальчиком, но всё ещё таким молодым. Доверчивым. Его небесно-голубые глаза сначала посмотрели на меня, а потом на его кузена.

— Что происходит? — он спросил. — Почему ты ушёл с пира?

— Сол и я идём прогуляться, — непринуждённо сказал Грифон. Совершенно бесстыдно, как и всегда. — Не хочешь присоединиться к нам, кузен?

Мирон заметно расслабился, подозрительность сменилась любопытством: «Куда ты идёшь?»

— Олимпия.

Было жестоко заставлять мальчика занимать такое положение. Он мог солгать. Грифон вполне мог привести правдоподобное оправдание, отослав своего кузена. Но это было не в его характере. Его добродетельное сердце не потерпело бы такого. Я покрутил запястьями, рассматривая свои сломанные наручники. Моя пневма просачивалась сквозь их щели, медленно, но недостаточно, чтобы проявиться. Мне пришлось бы полностью их оторвать.

Соль и пепел. Я сжал кулаки и опустил их.

Мирон был похож на оленя перед львом. Он отступил на один шаг.

— Это не смешно, — прошептал он.

— Нет, — согласился Грифон. — Это действительно не смешно.

Мирон бросился бежать, шлёпая ногами по мраморному полу поместья младших мистиков. Грифон не сделал попытки остановить его. Лишь взглянул на меня, вызывая приподняв бровь.

— Ну? Это сейчас или никогда. — Он вышел из пустой комнаты, довольный дерзостью того, ради чего пришёл сюда. Я помедлил, оглядываясь на кровать в комнате и груды тканых шерстяных одеял.

Я осторожно поднял их и встретился с широко открытыми глазами Атис.

— Ты идёшь с ним? — прошептала она. Моё сердце сжалось в груди. Три тысячи мертвецов шептали сквозь щели в моих наручниках.

— Я не знаю.

Тем не менее, даже говоря это, я поднял лиру, которую уронил, и положил её на кровать. Она отчаянно потянулась к моей руке, её пальцы были тонкими и мозолистыми от рабской работы. Я сжал её руку один раз и отпустил её. Прежде чем я сознательно решил сделать это, я бежал по коридору, чтобы догнать высокомерного Молодого Аристократа Розовой Зари.

— Они никогда нас не отпустят, — сказал я. Мой пульс участился. Поместье было почти пустым, за исключением таких рабов, как я и Атис, которые пренебрегли сном, но не смогли присутствовать на вечеринке.

— Естественно. Но трагедия из трагедий, мой отец и все мои дяди и тётки в настоящее время находятся у подножия этой горы, знакомя наших почётных гостей с великой тайной Розовой Зари. — Он взмахнул правой рукой, стреляя в воздух розовыми лучами света. — Надеюсь, ты понимаешь, что это значит.

Воспоминания о сверкающем свете и разрезанном пополам трупe без лица, без единого отличительного признака. Время утекало сквозь мои пальцы как песок, пока я смотрел на восходящий свет, заключённый в его ладони. Заря. Каждый легендарный культиватор на этой горе и сам патриарх вернутся только после завершения обрядов. У нас было время до рассвета.

— В этом культе десятки философов, — предупредил я его. Старейшины греческого культа были людьми, которые могли быть офицерами типичного Римского легиона или старшими легионерами в тех возглавляемых тираном запада. Конечно, они не были солдатами. Даже не близко. Но силы духа у них было в избытке.

— Хо, ты боишься? — насмешливо спросил Грифон. Моё добродетельное сердце затрепетало. — Где твоя смелость? Где эта наглость? Мы на пороге приключений, а ты беспокоишься о нескольких стариках?

Искушать Судьбы было прерогативой культиватора. И взамен этого была прерогатива Судьб сразить их за их наглость.

— Стоять.

В конце зала появился старший культиватор. Он был высок, богато одет в многослойную мантию в философских цветах. Его борода была длинной, белой как кость, его глаза были тускло-голубыми, что говорило о слепоте, но внимательно следили за каждой деталью нашего тела. Его тело было сильным, хотя и не загорелым или грубым. И когда его взгляд упал на мои наручники, его пневма залила мраморный зал.

— Молодой Этос, — прогремел он. — Что ты наделал?

— Ничего, уважаемый старейшина! — крикнул Грифон, ни разу не сбиваясь с шага, пока приближался к философу. Я почувствовал, как в моей душе вновь зародилось напряжение. Я слышал маршевые барабаны. — Этот скромный софист просто проводил своего младшего брата на свадебное торжество.

— Его оковы сломаны! — Философ направился ко мне, гремя возмездием в своих шагах. — Это за гранью наглости! Есть ограничения, юный Этос, даже для тебя. Будь уверен, что твой отец услышит об этом, а что касается тебя...

Ему не дали шанса закончить. Грифон рванулся вперёд, вспыхивая пневмой, одним прыжком преодолев оставшиеся пять шагов между ними.

Культивирование было странным делом. Во всем известном мире существовало почти столько

же интерпретаций отношения человека к небу и земле, сколько городов и царств. Варварские Галлы имели своё собственное примитивное представление о царствах добродетели, ведущих к небу, как и Кельты и Нумидийцы за морем. Греческое толкование во многом было похоже на праведный путь Республики, но даже тогда были заметные отличия.

Я не мог интуитивно осознать необъятность пропасти между капитаном Гражданского Царства и старейшиной, углубившимся на несколько рангов в Софическое Царство. Это не были мои культурные ориентиры, несмотря на усилия моего старого наставника. Мой язык мог бегло говорить на их языке, но не моя душа.

И всё же. Независимо от культуры, некоторые вещи были просто абсурдны.

Старейшина отреагировал со скоростью, намного превышающей смертные пределы человека его возраста, и этого было недостаточно. Грифон со змеиной грацией скользнул своей цепкой рукой. Его сжатый кулак поднялся, горящий отметиной основополагающей добродетели его культа, и вонзился в живот старейшины.

Смелость не было достаточно сильным словом, чтобы описать это. Старейшина поперхнулся столь же от недоверия, сколь и от боли, и его пневма взорвалась бессловесной добродетелью. Ветер выл в коридорах, его тусклые голубые глаза сверкали, когда он направил раскрытую ладонь на вытянутую руку Грифона. Моё чувство пневмы всё ещё было сдержанным, но сквозь щели в кандалах я ощущал необъятную силу, стоящую за ней. Это был удар, который сломал бы кость.

Он промахнулся.

Грифон уже уклонился от удара, уже поднял колено, чтобы встретить удар ладонью. Невидимый удар грома сотряс зал, разрывая мрамор под их ногами. Молодой Аристократ был не быстрее старшего – и если быть честным, он был медленнее, – но двигался так, словно их битва была хореографией.

Он топнул поднятой ногой по ступне старшего, повернулся, чтобы избежать его попытки захвата, и вцепился в вытянутую руку старшего. Он резко выдохнул и швырнул философа через плечо. Спина старика ударилась о мрамор.

Грифон упал вместе с ним, вложив тяжестью своего тела и души в локоть и ударил голову старшего философа о твёрдый камень.

Какое-то мгновение никто не двигался. Старший, потому что он был без сознания или, возможно, мёртв. Мы с Грифоном, потому что грандиозность того, что он только что сделал, требовала минуты должного признания. Мы переглянулись.

— Теперь мы бежим, — он решил.

Удары барабанов и грохот тысячи танцующих ног обрушились на нас волной, когда мы выбежали из поместья младших мистиков. Планировка Культа Розовой Зари была такова, что мы могли вообще не обращать внимания на центральный павильон, обойти его по краю или просто обойти вокруг поместья, которое мы только что покинули, и спуститься с горы в город Аликос. Однако у Грифона были другие планы. Он стремглав бросился в массы, бесчисленные посвящённые праздновали свадьбу, которая освящалась у нас под ногами в сердце горы.

Мерцающий свет факелов и звезды освещали разрушенную вершину горы. Ритуалы инициации были достаточно возмутительны, когда я впервые испытал их, но наблюдать за сотнями после сотен мужчин и женщин, молодых и старых, беззаботно танцующих по всему разрушенному павильону, который всего час назад был поражён кулаком падающей звезды, бросало вызов смыслу. Греки.

Я пробирался сквозь толпу в менее бешеном темпе, следя за Молодым Аристократом, когда он шёл вперёд. Он двигался уверенно, и когда изящество подводило его, он быстро адаптировался. Женщина в прекрасном культовом одеянии врезалась в него, когда он проходил мимо, и он превратил столкновение в грациозное вращение, закрутив её в объятия другого посвящённого и при этом схватив её чашу с духовным вином. Он выпил его одним глотком, алая жидкость вытекла из уголков рта и стекала вниз по горлу. Он ни разу не сбился с шага.

Мои обостряющиеся чувства отслеживали посвящённых вокруг меня, но было слишком много культиваторов, слишком плотно стоящих друг с другом, и я всё ещё был слишком ограничен своими кандалами, чтобы осмысленно различать их. Я не чувствовал ярости приближающихся врагов, но это не значило, что их там не было.

Мой взгляд был прикован к центру павильона, куда упала падающая звезда. Там, где должна была быть зияющая пропасть, был фонтан. Восстанавливающий сам себя, камень за камнем в причудливом примере пассивного культивирования. Вокруг него висел слабый туман, влага из самого воздуха втягивалась в чашу фонтана тонкими спиралевидными нитями.

Безликой статуе ещё предстояло восстановиться. Вместо этого фонтан был заполнен танцующими женщинами. Когда удары барабана усилились, а пение свадебной песни достигло нового пика, они закружились в его водах, поднимая волны. Я насчитал девять, прежде чем крик отвлёк моё внимание.

Грифон махнул рукой с края толпы, беззвучно шевеля губами. Я прочитал их достаточно легко. Целеустремлённей, раб.

Я вырвался из толпы и бросился за ним.

— Ты слышишь это?! — крикнул он через плечо. — Зов приключений кричащий тебе в ухо? Это оглушительно! — Его мания была заражительна. Я прислушался, ища такой звук.

Всё, что я слышал, это вой.

Мы мчались по горным тропам, которые соединяли различные поместья с центральным павильоном, взбираясь по мраморным ступеням поместья Этосов. За его величественными колоннами ночной горизонт медленно светлел к серому. Предрассветный час уступал и мёртвая луна медленно падала со своей вершины. У нас почти не осталось времени.

— Почему мы идём сюда?! — крикнул я, пока мы мчались по залам главного поместья. Двор с его садами и прудами мелькнул справа от нас, прошлые патриции Розовой Зари стояли на вечной страже в их прудах.

— Я кое-что забыл!

Бесполезный, бездумный Грек.

Мы поднялись по ступенькам на второй уровень поместья и помчались по затемнённым коридорам. Мимо комнаты, которая, как я знал, была личными покоями Грифона. Мимо покоев его кузенов и дядь. Он упёрся ногами и скользнул по мрамору, когда мы подошли к комнате с тяжёлой деревянной дверью в конце коридора, и, добравшись до неё, отпрянул назад и пинком сбил её с петель.

Кабинет патриция культа, Дэймона Этоса, был обставлен по-военному. Это навевало воспоминания о личных покоях Гая во время похода, простых палатках с раскладушками и ничем не украшенными чемоданами. В гладком светлом камне стены были вырезаны полки, сплошь заполненные свитками папируса и глиняными табличками. Письменный стол из богатого тёмного дерева занимал центральное место в комнате, обеденный стол балансировал на трёх ножках, а рядом с ним в дальнем правом углу располагалась откидная обеденная кушетка, а с открытой террасы открывался вид на центральный павильон. На стенах висели гобелены с изображениями сражений и пейзажей, которые я никогда не видел, и не слышал о них. На передней стороне столе была вырезана сцена с четырьмя мужчинами, трое сцепились в яростной схватке против одного.

Грифон проигнорировал письменный стол и любое его содержимое, не обратил внимания на скрижали и свитки на полках. Вместо этого он подошёл к дальней стене, где между двумя гобеленами висело лезвие в ножнах. Он снял клинок с крюков и сжал ножны одной рукой, а рукоять – другой. Осторожно, он слегка вытащил его из ножен.

Я увидел проблеск бронзы, который обжёг даже мои притупленные чувства, а затем он полностью вложил его обратно в ножны и пристегнул к поясу.

Звук бегущих ног доносился из-за разбитого дверного проёма.

— Похоже, нас нашли, — сказал Грифон, расправляя плечи. Он встал рядом со мной, плечом к плечу. — Не пора ли Сыну Рима показать, из чего он сделан? — Я сжимал и разжимал кулаки. Я не мог заставить себя сорвать эти оковы. Я слишком боялся того, что последует.

Грифон холодно фыркнул: «Возможно, он уже показал».

Он прошёл мимо меня.

— Лио!

Судьбы были поистине жестоки.

Мирон не просто сбежал. Конечно, нет. Он достаточно хорошо знал пределы своих возможностей, чтобы понимать, что в одиночку ему не остановить своего старшего кузена, поэтому он заручился помощью. Молодое поколение семьи Этосов пришло, чтобы остановить своего своенравного кузена.

Взгляд Лидии Этос на мгновение оторвался от Грифона, когда я вышел из кабинета патриарха, небесно-голубые глаза сверкнули с ненавистью. В следующее мгновение они перефокусировались.

— Лио, — повторила она мягче. — Скажи мне, что Мирон тебя неправильно понял. Скажи мне, что то, что он сказал, было ложью.

Она стояла посреди зала, перекрывая путь по которому мы пришли, с Миронем и её младшей

сестрой Реной. Двое других, Херон и Кастор, в настоящее время бежали в противоположную сторону прямоугольного второго этажа, чтобы не дать нам сбежать в другую сторону. У Кастора был клинок, руки Мирона ёрзали на кинжалах, а сама Юная Мисс держала в одной руке копье длиннее своего роста.

Грифон удивлённо наклонил голову: «Кажется, ты уже знаешь, что это не так».

— Не делай этого, — умоляла Лидия. — Тебе нужно только немного подождать. Мы будем путешествовать по миру, как это сделал Нико, как это сделали наши родители. Вместе.

— Лио, — прорычал Херон, остановившись всего в нескольких футах позади нас с Кастором рядом с ним. — Это не просто ещё одна из твоих игр. После подобного нет возврата!

— Подумай о том, что ты выбрасываешь, — настаивал Кастор. Его глаза многозначительно метнулись к его старшей сестре. — А для чего? Ради привилегии, которую ты всё равно получишь через несколько лет? Все, что тебе нужно сделать, это набраться терпения.

— Кто сказал, что я хочу путешествовать с кем-то из вас? — с любопытством спросил Грифон. Мои глаза сузились. Воздействие его слов было видимым. Мирон вздрогнул, как пнутая собака. Выражение лица Рены сморщилось от горя. А Лидия...

— Ты сукин сын! — Херон рванулся вперёд, но Кастор схватил его подмышки и удержал его. — Ты не заслуживаешь ничего из того, что тебе дали! Ничего из этого...

— Достаточно! — рывкнула Лидия, её пневма пронеслась по залу. Зубы Херона щёлкнули друг о друга, хотя он продолжал свирепо смотреть. Юная Мисс тяжело вздохнула, пытаясь придать себе что-то похожее на спокойствие. — Лио, — сказала она в последний раз. — Я не позволю тебе выбросить свою жизнь ради раба.

— Ради раба? — растерянно повторил Грифон.

— Не притворяйся! — Лидия направила на меня своё копье. — Ты был одержим этой падалью с тех пор, как он прибыл сюда. Я не знаю, что в нём тебя так очаровало, и мне в любом случае всё равно. Что бы это ни было, он не стоит того, чтобы бросить нас всех!

Грифон... рассмеялся.

— Ты думаешь, это из-за Сола? — Он покачал головой, и длинные волосы развевались от движения. Его плечи тряслись от веселья. — Как раб может иметь к этому какое-то отношение? Я ненавижу этот город с детства. Я провёл каждый день своей жизни, наблюдая за горизонтом и мечтая оказаться по ту его сторону, где угодно, только не здесь.

— Я не буду страдать ещё день с вами. Моё добродетельное сердце не потерпит этого.

Грифон сказал правду, как и всегда, и при этом он солгал.

Я наблюдал, как шок, боль и ярость прокатились по сыновьям и дочерям рода Этосов в мрачной покорности. Это было произнесено без особого накала, без эмоций. Фактически. Произнесено человеком, который поднялся в культивации из чистой ненависти к городу, в котором жил, а затем решил страдать в этом городе ещё четыре долгих месяца после этого. Тот самый человек, который, так или иначе, провёл каждое мгновение этих четырёх месяцев в

компании своих кузенов.

Этот человек сказал им правду, что его сердце культиватора не вынесет ещё одного мгновения этой жизни. Но при этом он солгал. И ему поверили.

Я знал с нашей первой встречи, что Грифон обладал ужасающий харизмой.

Его кузены двинулись как один. Херон выкрикнул проклятие и пронёсся мимо меня с пылающими красными кулаками, меч Кастора вылетел из ножен, когда он прыгнул прямо над моей головой. Мирон ринулся снизу с ножами, стиснув зубы от разочарования и горя. Рена двигалась в его тени, её пальцы сгибались, как когти. Лидия пошла на него в лоб, без какой-либо попытки финта. Её глаза были решительны, её копье пылало пневмой, которая вращалась по спирали света вокруг острия.

Грифон не потянулся за своим новым клинком. Его пневма поднялась, его алые глаза вспыхнули, и он пришёл в движение.

Херон первым достиг его и первым был поражён. Грифон развернулся и ударил пяткой по лицу своего кузена, отбросив его к стене. Он ударил обеими руками, отклонив опускающийся клинок Кастора тыльной стороной одной ладони и вонзив другой кулак в живот молодого человека, когда тот падал, выбивая из него дыхание. Он развернулся, крепко схватив Кастора за свадебный наряд, и швырнул его в Мирона.

Рена была достаточно далеко, чтобы избежать переплетения конечностей. Всё, что я видел в этой застенчивой девушке, говорило о доброй натуре матери. Но всё это исчезло, когда она нырнула в Грифона с – когтистыми пальцами, потрескивающими звериной молнией – удлинёнными ногтями, усиленными её пневмой. Она яростно ударила его, двигаясь с плавностью, которая могла прийти только с практикой.

С той же плавностью он отражал каждый удар, отбросив её в сторону ударом в висок, а затем сбив её с ног, так, чтобы она упала на своего брата и кузена.

Грифон наклонился в сторону, и циклон света и жара, кружащийся вокруг копья Лидии, опалил несколько золотых волосков, когда оно прошло мимо.

— Хорошо! — Он схватил копье и вонзил колено в живот Лидии. Когда она изогнула талию и заблокировала его своим бедром, он взмахнул копьем и с ним ею, швырнув её в Херона, когда тот приблизился. Розовый свет, покрывающий руки молодого человека, мерцал и погас, чтобы он мог поймать её.

Молодой Аристократ наклонил голову вправо, увернувшись от одного брошенного кинжала и поймав другой двумя пальцами. Мирон уже был в воздухе, и его тело расплывалось, когда он крутанулся для удара с разворота, на путь которого Грифон наклонил голову. Алые глаза сверкнули, и Мирон боком врезался в стену.

— Даже лучше! — воскликнул Грифон, уворачиваясь от серии скоординированных ударов между когтями Рены и клинком Кастора. Он направил одно в другое, ударив Кастора ногой в бок, когда тот дёрнулся назад, чтобы не пронзить сестру. — Покажите мне, из чего сделаны молодые столбы!

Грифон повернулся и ударил Херона тыльной стороной руки по лицу, отчего тот закружился в воздухе.

— Я не потерплю ещё дня такой жизни, так что возьмите меня силой! — Он отошёл назад, уворачиваясь, когда Лидия ударяла по нему быстрыми неглубокими выпадами. Недостаточно глубокими, чтобы он мог схватить что-то, кроме пылающего наконечника. Она водила ими из стороны в сторону, загоняя его обратно в остальных. — Дайте мне всё, что у вас есть!

— Быть по сему! — сорвалась Лидия. Её пневма струилась и вспыхивала вокруг наконечника её копья, на его кончике собиралась обжигающая точка света.

Остальные четверо последовали её примеру. Она загнала Грифона в середину между ними, и одновременно их пневма поднялась, как приливная волна. Пять отдельных добродетельных техник вспыхнули, как заря, на стальных клинках и сжатых кулаках.

Они двинулись вместе. Грифон вдохнул.

Внешнее манипулирование пневмой – признак действительно продвинутых и ещё более одарённых людей. Превращение собственной жизненной сущности в физическую вещь, которую можно потрогать и почувствовать, – это урок о разочаровании. Культиватор должен поймать своё дыхание и вылепить его, как глину, должен придать ему форму одной лишь волей, упорядочить то, что когда-то был ничем иным, как бесформенным хаосом.

При правильном выполнении человек мог одним лишь намерением проявить клинок, копье и даже стрелы. Лучшие могли проявлять сразу множество из них и контролировать каждый в отдельности. Мечи намерения. Копья намерения. Стрелы намерения. То, во что человек решил превратить свою душу, говорило о нём не меньше, чем любые слова.

Грифон выдохнул, и его Намерение Панкратиона заполнило зал.

Десять рук чистейшей пневмы вырвались из моря его души, заметные даже сквозь дымку моих наручников, и поразили каждого из его кузенов в середине их техник.

Они хватали. Они били кулаками, ладонями и локтями. Они схватили копье Лидии и направили его вверх, где оно выстрелило лучом света размером с булавку в небо. Они ударили наиболее тонкие кости запястий Кастора и раздробили их, заставив его выронить горящий клинок. Они сцепились с Хероном, давя его вниз так же, как и раньше, в Испытании Голодом.

Мирон был повален на землю, а блестящие когти Рены безрезультатно царапали руки, которые не могли кровоточить. Грифон вышел из круга невредимым, положив одну руку на бедро, а другую небрежно положив на рукоять украденного клинка. Его кузены боролись и барахтались рядом за ним, борясь с проявлением его непоколебимой души.

— Ты не можешь продолжать смотреть вечно, — сказал он. Он оглянулся через плечо, алый глаз с презрением посмотрел на меня. Одна рука его намерения метнулась ко мне через весь зал.

Я поймал её рукой и раздавил.

— Такой сильный, — насмешливо сказал он. — Я чувствую, как твоя душа рвётся из этих оков. Отчаянно пытается вырваться на свободу. Когда ты позволишь ей? Как долго ты собираешься бежать от своих неудач? Какую ещё часть своего будущего ты выбросишь ради своего прошлого?

Я стиснул зубы, сжимая и разжимая кулаки. Они были слишком тяжёлыми, чтобы их поднять. Соль и пепел. Соль и пепел.

— ДОСТАТОЧНО.

Столб урагана взвыл из дворов внизу, и на его ветрах поднялись ещё четыре культиватора. Но эти не носили туник младших мистиков, ни даже красивых алых одежд старших и избранных детей.

Они носили философские цвета старейшин, все до единого. Из центра урагана вынырнул пятый, тот самый, чьей головой Грифон пробил мраморный пол. Его нос превратился в разбитое месиво. Он был в ярости.

— Это заканчивается здесь! — взревел старший философ, и ураган последовал за его голосом, разнёсшимся по залу. — Твой отец всегда был слишком снисходителен к тебе. Пойдём, мерзкий мальчишка, я научу тебя тому, как обстоят дела в реальном мире, которого ты так жаждешь! Внимание.

Пневма всех пятерых старейшин затопила поместье. Глаза Грифона забегали туда-сюда, рука на рукояти клинка патриция напряглась. Он вытащил его, всего лишь кусочек, из ножен. Затем он фыркнул и захлопнул его обратно в ножны. Его кузены сгорбились и вздохнули, когда руки его намерения панкратиона отступили, кружась вокруг него.

Грифон оглянулся на меня.

— Значит, ты всё-таки раб.

Он отпустил меня, повернулся и двинулся в поток розового света и ураганных ветров.

Что нужно человеку, чтобы вести?

Дети Этосов, каждый в процессе вставания, врезались в пол. Мрамор застонал и треснул, по всей его длине расплзлась паутина трещин.

Что зовёт к нему других?

Ураганная добродетель главного старейшины испарилась, рассеялась и снова восстановилась. Она закружилась, как циклон, вокруг новой центральной точки.

Что даёт им веру?

Грифон победоносно ухмыльнулся, когда мои кандалы с лязгом упали на камень.

— Я так и знал.

Я поднял пустую руку и сжал её.

Гравитас.

Пятеро старших философов пошатнулись под тяжестью добродетели капитана. Двое из них полностью упали на колени, не в силах сопротивляться давлению моей воли. Моя пневма не

поднялась. Она не протыкала, не колола и не терзала. Она упала, как одеяло, на каждое плечо и вдавила их в камень. Трое философов и каким-то образом сам Грифон остались стоять. Но это было с усилием.

Я выбросил вперёд мой пустой кулак и разжал его, словно метая нож. Гравитация изменилась, отбросив кузенов Грифона и пятерых философов назад по мрамору. Грифон упёрся ногами, десять рук пневмы вцепились в каждое знамя, колонну и перила которые могли, чтобы удержать его на месте. Он дико рассмеялся.

Моя добродетель пронеслась по залу мимо философов и ударилась о самую дальнюю стену. Она стонала и трещала, но едва выдержала. Я сузил глаза и щёлкнул пальцем.

Восточная стена поместья Этосов с криком разлетелась на части.

— Что... — выдохнула Лидия, когда я прошёл мимо неё по полу. Она изо всех сил пыталась подняться против моей гравитации, подталкивая под себя дрожащую руку. В нескольких футах от неё Мирону с трудом удалось встать на одно колено. — Что это?

Я пнул конец её копья, подбрасывая его себе в руку.

— Это добродетель.

Я помчался по коридору, и Грифон бросился бежать рядом со мной. Он всё время ухмылялся как сумасшедший, пока мы петляли и прыгали друг через друга в гуще боя. Его намерение панкратиона было ураганом кулаков, которые сокрушили каждую защиту, его собственные руки были окровавлены и исцарапаны, когда они вонзались в кости людей с телами, намного превосходящими его собственное. Я взмахнул моим украденным копьём с прикреплённой к его наконечнику добродетелью Гая, втягивая добродетельные техники в него и от нас, пока оно проносилось сквозь их ряды.

На горизонте расцвёл алый свет, видимый сквозь зияющую дыру, которую я проделал в стене. Мы с Грифоном встретились взглядами, и слова не были нужны для того, что будет дальше.

Я упёрся обеими ногами и занёс копьё. Оно было слишком длинным, чтобы его можно было метать как дротик, громоздким и плохо сбалансированным. Это не имело значения. Я закричал и бросил его изо всех сил, и гравитация повела его прямо и точно. Оно ударило одного философа и произвело ударную волну, когда оно отбросило его в другого. В тот же момент все десять рук панкратиона Грифона накинудись на последнего старейшину, который стоял между нами и концом зала, таща, избивая и кидая его через воздух. Грифон швырнул его через наши плечи в двух старейшин позади нас.

И путь открылся.

— Лио, пожалуйста! Не уходи! — Лидия вскрикнула. В её глазах были слезы.

Я был единственным, кто видел момент, когда он колебался.

Но этот выбор уже был сделан за него давным-давно. Его душа культиватора не приняла бы ничего меньшего.

— Это Грифон! — Он радостно закричал и рванул с места. Я соответствовал ему на каждом

шагу пути.

Мы вместе достигли пропасти и без колебаний прыгнули вниз.

Солнце пробило Ионическое море. Розовые-пальцы зари раскинулись по небу.

Грифон раскинул руки против ветра, смеясь от чистой и искренней радости, пока мы падали с горы, под открытым небом. Его пневма струилась и пульсировала. Душа его возрадовалась, и в свете восходящей зари крылья его пневмы впервые широко раскрылись. Он вознёсся.

Моя собственная пневма хлынула ко мне потоком, всё, что было заковано в цепи с того дня. Я чувствовал всё это с мучительной ясностью. Воспоминания. Погребальный пепел и морская соль. Трупы. Ворóны. Три тысячи мужчин схватили меня руками, царапали, тянули, волокли обратно на вершину горы. Обратно в рабство.

Я не позволю им. Пока нет.

Эту битву ещё предстояло выиграть.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3137598>